

В. Розанов

**Русская церковь и другие
статьи**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
В11

В11 **В. Розанов**
Русская церковь и другие статьи / В. Розанов – М.: Книга по Требованию,
2024. – 128 с.

ISBN 978-5-458-09511-2

Василий Васильевич Розанов — русский религиозный философ, литератур-
ный критик и публицист.

ISBN 978-5-458-09511-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Русская церковь.

Русскіе были крещены въ 988 г. при Кіевскомъ князѣ Св. Владимірѣ отъ греческаго духовенства. Хотя онѣ приняли христіанство еще до формальнаго и окончательнаго раздѣленія церквей на Восточную и Западную; однако, такъ какъ связи у нихъ были только съ одною Византією, то по скоромъ отдѣленіи Византіи, отъ Западной церкви, и русскіе были уведены изъ древняго общаго христіанскаго русла въ спеціальнѣйшій потокъ византійскаго церковнаго движенія. Или, исторически точнѣе: русскіе вслѣдъ за Византією вошли какъ бы въ тихій, недоступный волненіямъ и вмѣстѣ недоступный оживленію затонъ,¹ тогда какъ западно-европейскіе народы, увлеченные за кораблемъ Рима, вступили въ океанъ необозримаго движенія, опасностей, поэзіи, творчества и связаннаго со всѣмъ этимъ чернымъ трудомъ неблагообразія. Разница между тишиною и движеніемъ, между созерцательностью и работою, между страдальческимъ терпѣніемъ и активною борьбою со зломъ — вотъ что психологически и метафизически отдѣляетъ Православіе отъ Католичества и Протестантства; и, какъ религія есть душа націи, — отдѣляетъ и противопоставляетъ Россію западнымъ народностямъ.

Слишкомъ понятно, что крестившіе насъ греки показали намъ столь же необыкновенными по мудрости, учености, по древнимъ связямъ, почти по самому происхожденію, какъ туземцамъ Гвангани и Кубы показали спутники Колумба. Младенческій умъ русскихъ не отдѣлялъ или съ трудомъ отдѣлялъ существо вѣры отъ принесшихъ вѣру людей.

¹ Такъ въ Россіи называются глубокія и безопасныя заливныя мѣста въ большихъ рѣкахъ, куда на зиму становятся пароходы и другія суда, чтобы ихъ не разломало осеннимъ и весеннимъ льдомъ при вскрытіи рѣкъ.

Византіійцы сразу же этимъ воспользовались, стараясь превратить младенческое поклоненіе въ обязательное и суровое повиновеніе грубаго и невѣдственнаго народа авторитету ихъ политической, церковной и всяческой мудрости. Долгое время русскіе, имѣя уже свое духовенство, свои школы, не смѣли поставить митрополита изъ русскихъ: ясный знакъ фетишизма, перенесеннаго съ религіи на племя, со строя церковнаго на строителей церковныхъ. Византіійцы частный поводъ своей ссоры съ попами, именно — упреки Константинопольскаго патріарха Фотія попамъ за нѣкоторыя формальныя отступленія отъ „устава церковнаго“ (другой способъ печенія просфоръ, и т. п.), возвели въ принципъ, окружили нервностью, придали ему принципиальное значеніе и постарались всю эту мелочность поводовъ раздѣленія привить вновь крещенному народу, новому своему другу, помощнику и возможному въ будущемъ защитнику своей исторической дряхлости. Разлагаясь, умирая, Византія нашептала Россіи всѣ свои предсмертныя ярости и стоны; и завѣщала крѣпко ихъ хранить Россіи. Россія, у постели умирающаго, очаровалась этими предсмертными его вздохами, приняла ихъ нѣжно къ дѣтскому своему сердцу и дала клятвы умирающему — смертельной ненависти и къ племенамъ западнымъ, болѣе счастливымъ по исторической своей судьбѣ, и къ самому принципу ихъ особаго существованія — корню жизни, акціи, дѣятельности. Наступилъ для всей Россіи отъ 988 г. до 1700 года, (реформы Петра Великаго) періодъ „Византійскаго строя“, „Византійскаго вліянія“, „Византійскаго уставности“.

Дитя — Россія приняла видъ сморщеннаго старичка. Такъ какъ нарушенія „Устава“ попами было причиною отдѣленія Восточной церкви отъ Западной, или раздѣленія всего христіанства на двѣ половины, то Византія нашептала Россіи, что „уставъ“, „уставность“ — это-то и есть главное въ религіи, сущность вѣры, способъ спасенія души, путь на Небо. Дитя — Россія испуганно приняла эту непонятную, но святую для нея мысль; и совершила всѣ усилія, гигантскія, ге-

роическія, до мученичества и самораспятія, чтобы отроческое существо свое вдавить въ формы старообразной муміи, завѣщавшей ей свои вздохи. Какъ „уподобиться“ Византіи, — въ этомъ состояло существо историческихъ заботъ Россіи въ теченіе болѣе чѣмъ полутысячелѣтія. И, въ концѣ концовъ, вѣдь форма вліяетъ на духъ: Россія чѣмъ далѣе, тѣмъ глубже „умерщвлялась“ и духовно. „Умерщвляться“ — это стало не только понятіемъ, идеаломъ древней Руси; но это гибельное явленіе такъ и называлось этимъ словомъ, не внушавшихъ никакихъ о себѣ сомнѣній, никакого передъ собою страха. Для русскихъ „близиться къ смерти“ и „близиться къ святости“ до того слилось въ единый путь, отождествилось, что даже теперь и даже образованные классы не вполне свободны отъ этого понятія. Оно есть нравственная и метафизическая аксіома въ нашихъ монастыряхъ; до сихъ поръ имъ проникнуть и теперь весь нашъ народъ въ многомилліонной своей массѣ. Самые образованные люди, какъ Тургеневъ, какъ Герценъ, атеисты, нигилисты — въ серьезные минуты жизни вдругъ видятъ въ себѣ возрожденную эту древнѣйшую, первоначальную вѣру своего народа: что умереть святѣе, нежели жить, что смерть угоднѣе Богу (для вѣрующихъ), Высшему Существу (для философовъ). Чему-то (для атеистовъ), нежели жизнь. Эта грустная и ужасная (по мнѣнію пишущаго эти строки) мысль сообщила главный нравственный колоритъ всей восточной, русской Европѣ: чего-то меланхолическаго и погибшаго въ смыслѣ прогресса, чего-то страдающаго и страшно дорогого, чему никто не сумѣетъ помочь. И тѣмъ дороже это существо (Россія), и тѣмъ страшнѣе за нее. Матери въ деревняхъ, когда умираютъ ихъ дѣти на первомъ или второмъ году ихъ жизни, съ радостью говорятъ; „слава Богу, онъ еще не нагрѣшилъ“. Вы испуганы, стараетесь возразить, разсѣять „предразсудокъ“, какъ вамъ кажется, но слышите отвѣтъ красивой, здоровой, разумной женщины: „жить это только грѣшить, такъ и въ церковныхъ молитвахъ поется: не можетъ человекъ одной минуты прожить безъ грѣха. О чемъ-же

плакать? Мой младенецъ у Бога; и намъ съ вами (т. е. взрослымъ людямъ) не будетъ такъ хорошо тамъ“ (т. е. на небѣ). Русскіе люди какъ въ молодомъ возрастѣ, такъ и въ лѣтахъ возмужалости, когда силы жизни берутъ верхъ надъ смертными началами въ человѣкѣ, когда практическія нужды, служба, работа приковываютъ умъ къ реальной жизни — мало посѣщаютъ церковь, подсмѣиваются надъ церковью, надъ религіею, даже иногда отрицаютъ Бога. Но это — возрастъ, годы. Самое существо „вѣры русской“ (такъ называютъ иногда Православіе; но „вѣра русская“ очевидно шире этого церковнаго термина) — не молодо, не юно и даже не возмужало; и въ эти годы просто человѣкъ не находитъ себѣ соотвѣтственнаго въ храмахъ нашихъ, въ службахъ, въ напѣвахъ церковныхъ, въ смыслѣ словъ, тамъ слышимыхъ, въ церковной живописи. Все жизненное, живучее, крѣпкое землѣ, преданное труду, надѣющееся на людей и ихъ свойства человѣческія — не только стерто здѣсь, но вырвано съ корнями; и выброшена за порогъ церковный самая земля, на которой могли бы укрѣпить свои корни эти земныя произрастанія. Вся церковь, символически сказать, наполнена какъ-бы цвѣтами уже не земными, предполагаемо — небесными; какъ-бы сперва умершими и потомъ воскресшими для какого-то страннаго, не осязаемаго, призрачнаго существованія „тамъ“ (на небѣ, за гробомъ). Вся религія русская — по ту сторону гроба. Можно сказать, Россія находитъ слишкомъ реальнымъ и грубымъ самую земную жизнь Спасителя; она слушаетъ полу-открытымъ ухомъ его поученія, притчи, завѣты. Все это она помнитъ, но умомъ на этомъ не останавливается. Но вотъ Спаситель близится ко кресту: Россія страшно настораживается, ухо все открыто, сердце бьется. Христосъ умеръ — Россія въ смятеніи. Для нея это — не исторія, а какъ-бы наличный сейчасъ фактъ. Она прошла со Христомъ всю невыразимую муку Голговы. Но и это еще не все, не главная „сущность русской вѣры“. Въ Евангеліяхъ мы читаемъ, какъ за земною жизнью Спасителя, уже въ краткихъ главахъ — повѣствуется о нѣсколькихъ

дняхъ его бытія послѣ смерти и погребенія. Онъ то является ученикамъ, то скрывается. Рѣчи болѣе кратки и болѣе таинственны. И эти рѣчи, и самыя явленія — все знаменуетъ собою что-то непрямое, какую-то загробную тайну. Вотъ „русская вѣра“ чрезвычайно напоминаетъ эти заключительныя главы Евангелія, блѣдныя, не реальныя, потустороннія. И русскій человѣкъ не только глубоко постигъ тайную красоту смерти, и ползеть къ этой странной и загадочной красотѣ, но онъ и въ самомъ дѣлѣ умѣетъ съ величіемъ умирать, онъ самъ становится прекраснѣе въ болѣзняхъ, въ страданіяхъ, въ испытаніяхъ. И особенно — прямо передъ гробомъ. Напримѣръ, у русскихъ существуетъ чрезвычайный страхъ умереть внезапно, скоропостижно, „безъ чистаго покаянія“, и, наконецъ, хотя отчасти не искупивъ грѣховъ своихъ тяжелыми муками предсмертнаго болѣнія. Точно вся жизнь кажется русскимъ черною, а съ приближеніемъ къ смерти все принимаетъ бѣлые цвѣта, принимаетъ сіяніе. Жизнь — это ночь; смерть — это разсвѣтъ; и наконецъ, вѣчный день — „тамъ“ (на небѣ, съ Отцомъ Небеснымъ). Итакъ, въ юности и мужествѣ русскіе не посѣщаютъ храмовъ, учащіяся — часто кощунствуютъ въ нихъ. Но вотъ эти самыя кощунствовавшіе люди переходятъ за 50-лѣтній возрастъ. Приходятъ болѣзни, давно наступили семейныя тягости. Богатство или потеряно (частый случай у непрактичныхъ русскихъ, у расточительныхъ русскихъ), или не приобрѣтено — какъ рассчитывалось въ молодости. Дѣти уже поднялись и, заботясь о себѣ, мало думаютъ о родителяхъ. Семейная жизнь некрѣпка и некрасива у русскихъ, кромѣ исключительныхъ случаевъ. Итакъ — богатства нѣтъ, слава — не нужна, дѣти — похолодѣли. Въ этомъ возрастѣ человѣкъ, чувствуетъ себя одинокимъ, не нужнымъ, лишнимъ. Вдругъ, зайдя случайно въ храмъ, онъ находитъ все роднымъ себѣ, въ высшей степени понятнымъ, страшно нужнымъ. Храмъ точно и ожидалъ этихъ его 50-ти лѣтъ, и еще лучше — 60; ожидалъ его болѣзней, сгорбленности, бѣдности, покинутости родными и друзьями; храмъ принимаетъ его, какъ друга, какъ

родного, принимаетъ съ безконечною нѣжностью, заботою, всепрощеніемъ за прошлую неправильную жизнь. Тысяча интимныхъ, глубочайшихъ, метафизическихъ нитей оказываются общими у этого старца, всѣми покинутого, и у этого храма, который такъ чтитъ родина и который вообще имѣетъ широкое признаніе и огромную историческую роль. Слабый старикъ, больной, „лишній“ вдругъ нашель здѣсь себѣ отечество, почти службу, почти рангъ, положеніе и даже награды. Всякій человѣкъ хочетъ себѣ определеннаго положенія, теряется безъ положенія: здѣсь, въ православномъ русскомъ храмѣ, такія съ всемірной точки зрѣнія слабости, какъ дряхлость, немощь и убожество, какъ нищета и социальное ничтожество, оцѣниваются, какъ положительная добродѣтель, какъ заслуга передъ Богомъ, какъ небесное на человѣкѣ сіяніе. Человѣкъ, вотъ уже къ 60 годамъ подходящій, радостно вступаетъ на эту послѣднюю, цезыблемую, исторически признанную (въ Россіи) лѣсьяницу — и спѣшитъ по ней. Онъ забываетъ друзей, родныхъ для храма. Театръ, зрѣлище, все веселое, — отвратительно для него, „царство сатаны и дьявола“, „духовный антихристъ“. Онъ нашель Христа, — по ту сторону Его, Христова, воскресенія. Его манитъ блѣдный ликъ Господа, съ не опавшими смертными покровами, которыми Его увиди Іосифъ Аримаѳейскій и Магдалина. Самъ онъ, этотъ немощный старичекъ, немощная старушка, заготовляютъ и для себя все смертное: въ особый узелокъ они укладываютъ чистое, особо сшитое, широкое бѣлье, въ которомъ завѣщаютъ положить себя въ гробъ, и деревянный кипарисный (никогда дорогой и металлическій) крестикъ, который, полагая въ гробъ, ему надѣнутъ на шею. Этотъ узелокъ со „смертнымъ“ русскіе, отправляясь въ дорогу по дѣламъ, не забываютъ взять съ собою: на случай смерти въ дорогѣ — чтобы не произошло ошибки и не положили мертваго въ чужомъ бѣльѣ, а не въ этомъ, своими руками заготовленномъ. И это находятъ себѣ отзвукъ въ церкви. Вотъ человѣкъ умеръ. Женщины (непремѣнно женщины) омывають его (либо женщиною рожденъ человѣкъ и ея же долженъ быть

омыть и положить въ гробъ); надѣвается на него все смертное, изъ котораго исключено все богатое, всякое золото или шелкъ. Къ гробу зовутъ монашку, которая все время до погребенія, и особенно непрерывно всю ночь, читаетъ надъ нимъ псалмы Давида, любимѣйшую народную русскую книгу. Храмъ высылаетъ золотой парчевой покровъ на усопшаго: ту особенную, только одними священниками во время службы надѣваемую матерію, которая у насъ, на Востокѣ, такъ-же символична и священна, какъ красный или голубой виссонъ въ покровахъ на жертвенникѣ и въ одѣянїяхъ священниковъ при Ветхозавѣтномъ храмѣ. Этою священою тканью, въ сущности ризою, одѣвается въ гробу усопшій. Никто не говоритъ, нигдѣ не напечатано, что онъ — священникъ теперь. Но мысль наблюдателя открываетъ дальше, чѣмъ сколько смѣетъ сказать уставъ. Вокругъ усопшаго ставятъ зажженные высокія восковыя свѣчи, вставленныя въ серебристыя, высланные изъ храма подсвѣчники (особой формы: домашнихъ, своихъ подсвѣчниковъ, цельзя употребить). Три свѣчи зажигаются; и при чтеніи псалмовъ, среди этихъ зажженныхъ свѣчъ, особенно ночью, такъ и кажется, что вотъ воздвигся около усопшаго свой новый временный храмъ; городской общественный храмъ, подобно греческой метрополіи — выслалъ сюда въ частный домъ свою колонію. Кто-же главный въ немъ, кто дѣйствитель? гдѣ божество, или ангель, или безплотный духъ сего временнаго зажегшагося храма? — Гробъ; покойникъ. . . Они живы, они суть, они — дѣйствители въ этой таинственной религіи шествованія къ смерти; они умерли — слѣдовательно, они какъ-бы „боги“ и во всякомъ случаѣ выше, священнѣе людей. Грекъ, язычникъ, всякій сторонній, словомъ, привыкшій къ многобожью челоуѣкъ, вовсе не знающій ничего о христіанствѣ и единобожїи, непременно передастъ бы такъ свое впечатлѣніе: „у этого народа боговъ столько, сколько покойниковъ и сколько вообще есть умершихъ въ ихъ странѣ; покойники носятъ одежду, какъ священники и еще какъ иконы (тѣ-же характерныя металлическія ризы) и передъ

ними, какъ только передъ иконами, кадятъ ладаномъ, читаютъ псалмы и поютъ молитвы.“ И это общее пластическое наблюденіе, сказавъ много неожиданнаго самимъ русскимъ (вѣдь не всякій и себя знаетъ), раскрыло бы самое зерно ихъ религіозности и религіи.

При этомъ общемъ настроеніи, меланхолическомъ и гнѣвномъ къ землѣ, замерло, какъ бы заморожено было на семь вѣковъ пѣсенное и играющее творчество народа-дитяти. Нѣтъ танцевъ около гроба, нѣтъ пѣсень — надъ могилою. Быть народный, всѣ цвѣточки, всѣ листочки на немъ — обрывались съ отвращеніемъ сперва греческими монахами, крестившими и начавшими учить Русь, затѣмъ, выучившимися у нихъ русскими монахами, и, наконецъ, священниками, которые хотя и не монахи по формѣ, но не могутъ получить сана своего иначе, какъ пройдя монашескую по духу и строю школу и принявъ монашеское настроеніе, дисциплину, міросозерцаніе и этику. Вообще, хотя низшее духовенство, т. е. обыкновенные священники, женаты въ Россіи, и Востокъ гордится даже передъ Западомъ, что не имѣетъ у себя „целибата“ и не отрицаетъ, въ лицѣ духовенства, заповѣди размноженія, однако, русское духовенство, и именно это самое женатое, неизмѣримо аскетичнѣе католическаго; и въ поэтичномъ смыслѣ, а не въ смыслѣ голой физиологіи размноженія, оно гораздо менѣе женато, нежели католическое. Страшный духъ оскотленія, отрицанія всякой плоти, вражды ко всему сырому веществу земли, къ блистающимъ одеждамъ міра, сдавилъ съ такою силою русскій духъ, какъ объ этомъ на Западѣ не имѣютъ никакого понятія. Въ католическихъ самоубицевапіяхъ есть всетаки нервы. Тайну русскаго аскетизма составляетъ именно безнервность: плачь, горе, напимѣрь, по усопшимъ, по роднымъ, по смерти друга — вотъ непростительная слабость для аскета, какъ и бурный гнѣвъ на чужой грѣхъ, на зло — есть прямо грѣхъ, проступокъ и „паденіе“ святаго. Да русскіе святые никогда никого и не упрекали; такъ — легкая слеза, легкой упрекъ въ сторону, почти безмолвно, почти только въ душѣ. Напимѣрь,

свѣтой Ѳеодосіи (вскорѣ послѣ крещенія Руси) пришелъ на одинъ пиръ великокняжеской и, сѣвъ въ сторонѣ — заплакалъ. Когда его спросили, о чемъ онъ плачетъ, онъ отвѣтилъ: „братія, я размышляю, будетъ ли такъ же весело на томъ свѣтѣ (послѣ смерти), какъ вы проводите весело время на этомъ свѣтѣ“. Князь и гости смутились и прекратили веселье. Кто здѣсь былъ покорнѣе? Святой — князю? Князь — святому? Оба лбызали другъ другу руку въ таинственной взаимной покорности, и святой такъ-же боялся (нравственно и деликатно, отнюдь не рабски) своего упрека, какъ князь своего веселья около изможденнаго молитвою и постомъ святого. Вотъ это и даетъ образчикъ характернаго русскаго обращенія къ другимъ, вліянія, дѣйствія, пропаганды: ея западныя формы, протестантскія и особенно католическія, у насъ немыслимы, невообразимы. Весь русскій народъ закричалъ бы „не надо“, при видѣ перваго же насилія, первой грубости инокрещеному, иновѣрному. Притѣсненія бывали и у насъ за вѣру, по никогда — народныя, никогда — изъ толпы. Всегда это были „мѣропріятія“ чиновниковъ, въ цѣляхъ національнаго объединенія, обезличенія другихъ народностей; или, въ рѣдчайшихъ случаяхъ, это было дѣйствіями высшей церковной іерархіи, раздраженной и оскорбленной жестокою критикою и часто дѣйствительно невыносимыми хулами религиозныхъ „отщепенцевъ“ официальной церкви. Старовѣры русскіе и вообще всѣ русскія секты не только упрекаютъ въ ошибкахъ и измѣнахъ правительственную русскую вѣру, но иначе и не называютъ ее, постоянно и громко, какъ „царствомъ Антихриста“. И притомъ съ убѣжденіемъ и пыломъ, какого на Западѣ не сумѣютъ представить себѣ. Вообще изъ исторіи сектантства нужно отмѣтить эту трогательную и нигдѣ еще не встрѣчающуюся черту, что 1. кричатъ — раскольники, шепчутъ православные; 2. безстрашны — гонимые, всего боятся, робки въ словѣ и дѣйствіяхъ — гонители; 3. всего надѣются, ко всему рвутся сектанты, пессимистично настроены и боятся шевельнуться, сдѣлать шагъ впередъ или въ сторону — представители

официальной церкви. Это сообщает самой официальной церкви до того кроткій и смиренный видъ, что, при всемъ пониманіи въ ней недостатковъ — ее больно критиковать, хочется все ей извинить, со всѣмъ примириться и умереть всетаки православнымъ, даже при отрицаніи почти всего въ православіи. Это — одна изъ тайнъ „русской вѣры“, которая вообще и вся состоитъ изъ странныхъ психологическихъ и метафизическихъ тайнъ, ни мало не вошедшихъ въ официальные догматики, которыя всѣ скомпилированы съ протестантскихъ или католическихъ ученыхъ трудовъ, и ни мало не выражаютъ русскаго церковнаго духа и народнаго религіознаго настроенія и міросозерцанія.

Русскіе церковные напѣвы и русская храмовая живопись — все это безплотно, безъ-женно, „духовно“ въ строгомъ соотвѣтствіи съ общимъ строемъ церкви. Богоматерь, питающая грудью Младенца-Христа — невозможное зрѣлище въ русскомъ православномъ храмѣ. Здѣсь русскіе пошли противъ исторически-достовернаго слова Божія: напимѣрь, хотя Дѣва-Марія родила Иисуса еще юною, никакъ не старше 17 лѣтъ, однако, съ Младенцемъ-Иисусомъ на колѣняхъ она никогда у насъ не изображается въ этомъ возрастѣ. Богоматерь всегда изображается въ нашихъ церквахъ, какъ старая или уже старѣющая женщина, лѣтъ около 40, и держа на колѣняхъ всегда вполне закрытаго (сравни съ католическими обнаженными фигурами) Иисуса, она имѣетъ видъ не матери, а няни, пестующей какого-то несчастнаго и чужого ребенка: лицо ея всегда почти скорбное и нерѣдко со слезою, вытекшею изъ глаза. Вообще Голгофа перенесена въ самый Виелеемъ и вытравила въ немъ все радостное, легкое, все обѣщающее и надѣющееся. Никогда не видно въ православной живописи (самобытной и оригинальной, распространенной повсемѣстно) и животныхъ около Вертепа Господня: коровъ, пастуховъ, маленькихъ осликовъ. Вообще животное начало съ страшною силою отторгнуто, отброшено отъ себя Православіемъ. Въ сущности, оно все — монофизитно, хотя именно на Востокъ монофизитство какъ догматъ,